

А. Ю. Минаков

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИВНОГО
НАЦИОНАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В РОССИИ**

1

Раскрыты основные факторы, приведшие к возникновению в первой четверти XIX в. русского консервативного национализма, и роли так называемой «русской партии» (Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка) в этом процессе; описываются основные элементы консервативно-националистической идеологии: трактовка народа как единого иерархического целого, антизападничество, антилиберализм, культ самодержавия и православия, выборочная героизация русского исторического прошлого.

The article presents the main factors of the emergence of Russian conservative nationalism in the first quarter of the XIX century and the role of so-called «Russian Party» (N. Karamzin, A. Shishkov, F. Rostoptschin, S. Glinka) in this process. The author defines the basic elements of conservative nationalist ideology: interpretation of the people as a «body politic», antiwesternism, antiliberalism, cult of autocracy, selective glorification of Russia's historical past.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, история России первой четверти XIX в., «русская партия», галломания, Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка.

Keywords: conservatism, nationalism, history of Russia in the first quarter of the XIX cent., «Russian Party», gallomania, N. Karamzin, A. Shishkov, F. Rostopchin, S. Glinka.

В Российской империи национализм (если определять его как политическую идеологию, в которой высшей ценностью является нация как единое целое, как самодостаточная и суверенная культурно-политическая общность) возник практически одновременно с консерватизмом. Особую роль в его возникновении сыграла так называемая «русская партия», главными адептами которой в то время выступали Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Паловна и др. Особенно интенсивно русский национализм начал складываться в связи с угрозой наполеоновской агрессии — начиная с 1807 г.

Народ, в духе общеевропейского национализма, отождествлялся ранними русскими консерваторами с государством, являлся своего рода *body politic*. Это была одна из исходных категорий, которыми они оперировали в своих интеллектуальных построениях. К примеру, А.С. Шишков писал: «...воля небес судила каждому из нас порознь ски-

таться по лицу земли, когда бы не вложила в нас желанья составить общества, называемые державами или народами, и не повелела каждому из оных, размножаясь, жить под своим правлением, под своими законами. Люди без сих обществ были бы столько же злополучны, как без семейств и родства. Не было бы у них ни веры, обуздывающей страсти, исправляющей нрав и сердце; ни воспитания, просвещающего разум; ни общежития, услаждающего жизнь; ни могущества, величия и безопасности, проистекающих от совокупления воедино всех частных волей и сил». Отдельный человек, таким образом, всецело принадлежал национальному целому, с его традициями, религией и пр., из чего следовал категорический вывод: «...человек, почитающий себя гражданином света, то есть не принадлежащим никакому народу, делает тоже, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных» [3, ч. 4, с. 147–148.]. Консервативно-националистическая трактовка общества, призванная легитимировать монархическую власть национальной волей, жестко противостояла космополитической трактовке человека [7, с. 114–115].

Галлофобия (неприятие всего французского, начиная от мод и заканчивая идеологией Просвещения) обусловила на первых порах специфические особенности русского консервативного национализма. Это была реакция на поведение нации, разрушившей «алтари» и «троны» и в глазах остального мира выступившей символом революционности и якобинского террора. Несмотря на достаточно острое реагирование консерваторов-националистов на появление польского, еврейского, позднее — остзейского вопросов, вызов со стороны соответствующих национальностей воспринимался в начале XIX в. не так болезненно, как со стороны бонапартистской Франции.

Франция воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», например в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова. Националистическая риторика Ф. В. Ростопчина рисовала совершенно карикатурные и вызывающие отвращение и смех образы французов («Мысли вслух на красном крыльце», ростопчинские «афиши»). Франция и французы представляли в сознании русских консервативных националистов как полная антитеза России и русским. Шишков изображал Францию как некое «зачумленное» место, страну, судьбу которой необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав от внешнего мира.

Конструирование консервативно-националистической традиции осуществлялось по нескольким направлениям. Во-первых, шла интенсивная разработка концепции самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Как наиболее яркий пример можно привести знаменитую «Записку о древней и новой России» Н. М. Карамзина с ее очевидными антинаполеоновскими, антифранцузскими и антилиберальными акцентами. Самодержавная система политической власти, по Карамзину, держалась прежде всего на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что он

обозначал как «древние навыки» и, шире, «дух народный», «привязанность к нашему особенному». Согласно декларациям А.С. Шишкова, государь должен любить народ, что является залогом народного патриотизма, условием сохранения веры, языка, безопасности, традиций: «Любовь к народу... есть первейшее в царе достоинство: она приобретает ему сердца подданных, рождает в них благодарность, верность, усердие; она соблюдает веру, пределы, язык, славу, честь и благоденствие царства; хранит правду, законы, надежду на них и безопасность каждого и всех; уважает древние постановления предков, не разрушая их легкомысленно; покровительствует даже обрядам и обычаям и самому одеянию, не переменяя на чужое, худшее» [4, с. 83].

Во-вторых, возвеличивались православная вера и церковь, которые жестко противопоставлялись всем неправославным христианским конфессиям и в особенности масонству. При этом в работах русских консерваторов-националистов православие выступало прежде всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенская религия. За вычетом некоторых трудов А.С. Стурдзы нельзя зафиксировать у ранних русских консерваторов устойчивого интереса к вопросам православного богословия. В-третьих, русская история (исторический континуитет) рассматривается как одна из основных опор национального (националистического) самосознания. Примеры из идеализированного русского прошлого призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Труды русских консерваторов — Карамзина, Шишкова, Ростопчина, С.Н. Глинки — изобилуют ссылками на героическое русское прошлое. Исторический опыт для русских консерваторов — это прежде всего «русскость», опыт выживания в периоды кризисов и апелляция к славным воинским победам. По сути дела, консерваторами-националистами начал создаваться культ светских святых, призванный преобразить русское общество в националистическом духе. В изображении Шишкова русское прошлое было преисполнено гармонии, существовавшей в отношении как между людьми, так и между народом и властью: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали Царей и законы... Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь, безкорыстие, верность, гостеприимство и иные многие достоинства их украшали... А где нравы честны, там и обычаи добры» [3, ч. 2, с. 458–459]. Думается, что подобная идиллическая картина являет собой полную «антагонистическую» противоположность консервативному восприятию революционной Франции.

«Русское» порой жестко противопоставляется не только французскому, но и всему западному. Название журнала, издаваемого С.Н. Глинкой, — «Русской вестник» — было полемически противопоставлено названию «Вестника Европы» (первоначально его редактором был Карамзин, который до публикации «Истории государства Российского» воспринимался некоторыми русскими консерваторами исключительно как западник, масон, галломан, бонапартист и либерал). В произведе-

ниях Ростопчина слова «русский» и «русское» являлись ключевыми и наиболее часто повторяющимися.

Немалую роль в вызревании русского консервативного национализма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами», носившие не только эстетический и филологический, но и политический характер. Карамзинисты ориентировались в своих поисках на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и культурно-поведенческие стереотипы, шишковисты же выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на древнюю традицию, восходящую к церковно-славянскому и древнерусскому литературному языкам, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. За языковым дискурсом шишковистов отчетливо просматривалась метафора единого органического национального целого.

Русский национализм в подобной версии сталкивался с двумя проблемами. Его трудно было совместить с имперским универсализмом, насаждаемым абсолютистской властью, — в этом было одно из объяснений, почему карьера Шишкова и Ростопчина резко оборвалась по окончании Отечественной войны 1812 г., когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации, предполагающей безусловную ценность народной солидарности, несмотря на наличие сословных перегородок. Русский национализм использовался верховной властью в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только опасность миновала. Главными носителями и идеологами русского консервативного национализма были выходцы из дворянской элиты. А национализм в любой версии, как в консервативной, так и либеральной, не мог не противоречить принципу сословности. Выходом из этого положения представлялась своеобразная интерпретация крепостного права как оптимальная форма существования русских в единой патриархальной семье. При этом сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но, с другой стороны, народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия рассматривались как носители нравственно-религиозных ценностей, в отличие от подвергшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства. Не случайно в рамках консервативно-националистического дискурса был остро поставлен вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I.

Так, Карамзин одним из первых в русской мысли поставил вопрос о негативных последствиях правления Петра I, поскольку стремление этого императора преобразовать Россию в подобие Европы подрывало «дух народный», то есть самые основы самодержавия, «нравственное могущество государства». Стремление Петра I «к новым для нас обычаям переступило в нем границы благоразумия» [1, с. 32]. Карамзин фактически обвинил Петра в насильственном искоренении древних обычаев, роковом расколе народа на высший, «онемеченный», слой и низший, «простонародье», уничтожении патриаршества, что привело к ослаблению веры, переносе столицы на окраину государства ценой ог-

ромных усилий и жертв [Там же, с. 32–37]. В итоге, утверждал Карамзин, русские «стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России» [Там же, с. 35]. Таким образом, Карамзин одним из первых поставил вопрос об отношении к петровскому наследию именно в консервативном ключе. При этом стоит подчеркнуть, что ранний Карамзин, в частности в своих «Письмах русского путешественника», был «безусловным поклонником Петра» [8, с. 70]. Отрицательно относился к отдельным аспектам петровского царствования и Шишков: «Он (Петр I. — А. М.), вместе с полезными искусствами и науками, допустил войти мелочным подражаниям, поколебавшим коренные обычаи и нравы. Прочие цари не останавливали сего рождавшегося в нас пристрастия ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина... напоследок почувствовала сие и старалась обращать нас к отечественным доблестям; но то уже было поздно и требовало немалых и долговременных усилий» [9, с. 204–205]. В неопубликованном трактате «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества» С. Н. Глинка заявлял: «Он (Петр I. — А. М.) создал флот и новые войско; но по величию духа своего он сам скажет, что не дал России жизни *внутренней, самобытной* (курсив Глинки. — А. М.), без которой весь внешний блеск и все вещественные силы рано или поздно падают и исчезают» [5, л. 6 об.]. Глинка утверждал, что, перенимая западноевропейские порядки, Петр I выбрал далеко не лучший образец для подражания: «При Петре Первом Европа затеснялась мелкими происками ничтожной политики и час от часу более дряхлая в обветшалой жизни своей... Европейские народы воевали и разорялись сами не ведая, из чего и для чего» [Там же, л. 53]. При Петре I «люди взрослые были младенцами на шутовских *ассамблеях* (здесь и далее курсив Глинки. — А. М.)... Всё было *маскерадом* и быстрою перестановкою театральных *декораций*. Новая столица откликнулась не своими словами и все в ней очужеземилось... (Петр. — А. М.) ни топором, ни дубиною не смог поселить в умах *устава правды*» [Там же, л. 57 об.]. Но самое главное, с точки зрения Глинки, что «Петр неосторожною и затропленною рукою двинул народ русский на крепостной быт, дотоле не существовавший». Глинка имел в виду указ от 7 июля 1715 г., сделавший крестьян собственностью помещиков [Там же, л. 55]. Ранее он стремился «примирить» Петра с допетровской Русью, выставляя его блюстителем традиции и православной веры [6, с. 68].

Особо стоит отметить, что в своем отношении к петровскому «наследию» позиция русских консерваторов совпадала с точкой зрения их видного западноевропейского единомышленника, одного из основоположников консерватизма как идейного течения Нового времени Жозефа де Местра, который так характеризовал Петра I: «Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал Россию под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен» [2, с. 179].

Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу — через «Рус-

ский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», но и к простонародью. В 1812 г. консерваторы-националисты получили уникальную возможность озвучить свои идеи в массовом порядке — через манифесты Шишкова и афиши Ростопчина.

Первая четверть XIX в. явилась важнейшим этапом в формировании русского консервативного национализма. После 1812 г. националистический дискурс становится постоянным элементом самосознания консервативной элиты. Несмотря на дисперсность, «атомизированность», отсутствие серьезных и постоянных контактов друг с другом, политических организаций у русских консерваторов-националистов, именно тогда были сформулированы основные концепты русского консервативного национализма: народ как единое органическое иерархическое целое, большая патриархальная семья, в которой главную роль играет воля царя, выражающая волю коллективного целого и опирающаяся на собственные, глубоко отличные от западных, национальные традиции. Такое целое не нуждалось в верховной власти народного представительства, ограничении власти самодержца конституцией, разделении властей, отмене сословных привилегий. Иначе говоря, русский консервативный национализм имел четко выраженную антиреволюционную, антилиберальную и антизападную окраску.

Список источников и литературы

1. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
2. Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995.
3. Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов: в 17 ч. СПб., 1824–1837.
4. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Т. 1. В., 1870.
5. Глинка С. Н. Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. Гл. 1–12. 1 января 1844 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 191. Ед. хр. 18.
6. Русский вестник. 1810. №4.
7. Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин и поиски национальной идентичности // НЛО. 2008. №3 (91).
8. Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. 2.
9. Щебальский П. А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. №11–12, паг. 1.

Об авторе

А. Ю. Минаков — канд. ист. наук, доц. Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки ВГУ, arkady@vmail.ru

Author

Dr. A. Minakov, Associate Professor, Voronezh State University, head of the Zone Research Library at VSU, arkady@vmail.ru

